

Классификации политических режимов: историография вопроса

Аннотация: Статья посвящена проблеме, дискуссионной в современных исторической и политической науках. Цель статьи – рассмотреть формирование и развитие типологий политических режимов, выявить факторы, оказывавшие определяющее влияние на этот процесс. В статье содержится критический анализ существующих классификаций, показаны их сильные и слабые стороны. Особое внимание обращается на неадекватность трактовок советской системы в рамках парадигм тоталитаризма и авторитаризма, выявляются факторы, препятствующие ее объективной оценке. Сравнение меняющихся интерпретаций, осознание ограничений, которые накладывает дискурс, должны способствовать выработке более точных представлений о направлениях исторического развития, политических процессах в современном мире. К работам политологов применен исторический подход – проблема рассматривается в ее развитии во времени, с учетом изменений объективной исторической обстановки и представлений исследователей. Отмечается, что систематическая разработка типологий политических режимов началась после Второй мировой войны, и в ее основу легла дихотомия «демократия – тоталитаризм». В дальнейшем значительное внимание было уделено разработке концепции авторитаризма, попыткам корректировки дефиниции режимов советского типа, переопределению либерально-демократических систем. В современной историографии сохраняется триада «тоталитаризм – авторитаризм – демократия», однако есть значимые исследования, авторы которых выходят за рамки господствующего дискурса. Признание демократических характеристик систем советского типа и употребление по отношению к ним понятия «тоталитарная демократия» позволит выработать более адекватные классификации, учитывающие альтернативные варианты политической модернизации.

Annotation: The article addresses the named topic, which is much discussed in modern historical and political sciences. The aim is to review the formation and development of political regime typologies, exposing the factors that had a definitive influence on this process. The article contains a critical analysis of the existing classifications, showing their strong and weak points. Special attention is given to the inadequacy of the identification of the Soviet system within the framework of totalitarian and authoritarian paradigms, pointing out the factors that prevent its objective assessment. Comparing the changing interpretations and recognizing the limitations imposed by the discourse should contribute to the elaboration of more exact perceptions of history progressions and of political processes in the modern world. The historical approach is applied to the works of politologists: the topic is considered through its development in time, taking into account the changes in the objective historical settings and in the concepts of the researchers. It is noted that the systematic development of political regime typologies began after World War II and was based on the dichotomy “democracy – totalitarianism”. Thereafter significant effort has been devoted to the development of the concept of “authoritarianism”, to the adjustment of the definition of Soviet-type regimes and of liberal-democratic systems. Contemporary historiography retains the triad “totalitarianism – authoritarianism – democracy”, however, there exist some significant researches by scholars, who go beyond the dominant discourse. The acceptance of the democratic characteristics of the Soviet-like systems and describing them as “totalitarian democracy” will allow for the development of more adequate classifications, taking into account alternative variants in political modernization.

Ключевые слова: политический режим, классификация режимов, история, либеральная демократия, тоталитаризм, тоталитарная демократия, авторитарный режим, демократизация, политическая модернизация, дискурс.

Key Words: political regime, classification of regimes, history, liberal democracy, totalitarianism, totalitarian democracy, authoritarian regime, democratization, political modernization, discourse.

Проблема классификации политических режимов занимает важное место в современных политической и исторической науках. Она является,

во-первых, дискуссионной, поскольку многие авторы предлагали и предлагают различные классификации, используя разные параметры типологизации политических систем. Во-вторых, эта

проблема является выражено политизированной, поскольку то или иное обозначение режима влечет за собой его морально-политическую оценку и может служить основанием направленных против него конкретных действий. Такая ситуация свидетельствует о значимости вопроса и требует от исследователей внимательного отношения к параметрам типологизации, выделяемым признакам режимов, факторам, которые влияют на научные разработки, в том числе конкретно-историческим и политическим. В данной статье использован исторический подход к проблеме классификации режимов, с помощью которого выясняется, по каким направлениям шло развитие научной мысли, как складывались существующие типологизации, в чем их сильные стороны и слабости. Ограниченный объем работы предполагает анализ наиболее известных и (или) значимых, с точки зрения автора, типологий.

Систематическая научная разработка типологий политических режимов началась после Второй мировой войны, и в ее основу изначально легла дихотомия «демократия – тоталитаризм», что было обусловлено совокупностью теоретических, политических, морально-оценочных, конкретно-исторических факторов. Прежде всего, как справедливо отмечают М. Доган и Д. Пеласси, «простейшая дихотомия, понимаемая как противопоставление двух категорий исследуемых объектов, является <...> самым непосредственным и легким способом классификации».¹ Дихотомизация упрощает исследуемые реалии, однако она является «естественным» и потому неизбежным способом упорядочения действительности.

Кроме того, в период появления первых классификаций кругозор исследователей был, как правило, ограничен относительно небольшим числом государств Запада, на основе опыта которых выделялись демократические и тоталитарные режимы, и государств «советского блока», режимы в которых трактовались как тоталитарные. Опыт других стран учитывался слабо, поскольку в основном они либо недавно освободились от колониальной зависимости, либо еще оставались колониями и, соответственно, не рассматривались в качестве самостоятельных объектов исследования. Таким образом, схема «демократия – тоталитаризм» представлялась оправданной, хотя имела достаточно ограниченную область применения.

¹ Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М., 1994. С. 221.

Наконец, большое значение имела ситуация острого противостояния, прежде всего, коммунистических режимов системам либерально-демократическим, внедрение ими принципиально иных представлений о социально-экономическом и политическом устройстве общества. С самого начала формирование научного подхода к оценке тоталитарных режимов сопровождалось явными политическими антипатиями западных исследователей, что вело к формулировке резко критической концепции, имевшей не только теоретические, но и практически-политические задачи. Противостояние либеральной демократии и режимов советского типа было чрезвычайно острым, в том числе и потому, что коммунистические системы активно употребляли понятие демократии и вели большую идеологическую работу по продвижению точки зрения о реализации «демократии для большинства».

Категория «тоталитаризм», как известно, получила распространение в 1920–1930-е гг. Ее употребляли политики и публицисты, научная разработка понятия тоталитарности велась известными учеными – эмигрантами из России (Н. Бердяев и др.), некоторыми западными авторами (Ф. Боркенау). В период Второй мировой войны было опубликовано несколько работ (К. Поппера, Ф. Хайека, С. Нойманна), в которых рассматривались истоки тоталитаризма и делались попытки анализа «тоталитарных диктатур». С началом «холодной войны» разработки, классифицировавшие коммунистические режимы как разновидность тоталитарных, активизировались (прежде всего, следует упомянуть Х. Арндт), в научной среде утверждалось представление о тоталитаризме как о закрытой политической структуре, в которой полностью уничтожается граница между государством и обществом, исключаются любые «неконтролируемые» проявления личности.

Объединение коммунистических и фашистских режимов в рубрике «тоталитарных» становится одной из наиболее характерных общих черт первых получивших известность исследований различных типов политических систем. Коммунистические и фашистские режимы определяются как новые вариации диктатуры, отрицающие либеральные принципы осуществления власти. Западные общества признаются образцом, точкой отсчета для оценки демократичности любого режима. В теории демократии, прежде всего, благодаря Й. Шумпетеру, получает развитие «процедурная» трактовка,

автоматически «оправдывающая» политические системы, где в формировании власти четко отражено социальное неравенство. Признание фактического правления элит и процедуры конкурентного отбора лидеров на выборах в качестве неотъемлемых черт *реальной демократии* становится наиболее неуязвимым с теоретических позиций обоснованием демократичности западных политических систем. Обновленное понимание демократии начинает формироваться уже в 1940-е гг., являясь в значительной мере ответом на вызов, брошенный режимом советского типа. Ведущими критериями демократического режима становятся базовые либеральные ценности – конкуренция и негативная свобода, то есть минимизация формальных ограничений жизнедеятельности индивида.

В анализе феномена тоталитаризма особое место занимают работы Дж. Талмона и Р. Арона, содержащие положения, выходящие за рамки обозначенной дихотомии «демократия – тоталитаризм». Оба автора, в той или иной форме, выдвинули тезис о наличии общих черт либеральных и тоталитарных режимов, впоследствии оказавшийся на периферии политической науки. В работе Дж. Талмона «Происхождение тоталитарной демократии»² впервые объединяются, казалось бы, взаимоисключающие термины. Талмон выдвигает положение о двух типах и двух течениях демократии – либеральном и тоталитарном, сосуществовавших, по его мнению, с конца XVIII в. В современной истории термин «демократия» правомерно использовать по отношению к тоталитаризму «слева», поскольку применение принуждения на фоне массовой поддержки режима обуславливалось стремлением к совершенствованию человека и устранению социальных противоречий.

Р. Арон в 1957–1958 гг. прочел девятнадцать лекций, впоследствии составивших известную книгу «Демократия и тоталитаризм». Основная мысль, выраженная в этой работе, заключалась не только в констатации коренных различий либеральных и тоталитарных режимов, но и в попытках определить черты их одновременного сходства. Р. Арон утверждал, что индустриальные общества в послевоенный период предоставляют выбор «между либеральной демократией и демократией тиранической».³ Одним из ключевых тезисов работы стало по-

ложение о том, что в современных обществах «традиционная законность» исчезает и возникающие режимы являются выражением одного и того же принципа – верховная власть опосредованно, через государственные институты, принадлежит народу. Советский режим при таком подходе раскрывается преимущественно через процедурные моменты, связанные с деятельностью Советов и с остающимися элементами формальной демократии в партии. Внимание Арона преимущественно обращено на различия конституционно-плюралистических (многопартийных) режимов и режимов с одной партией, характеризующихся отсутствием политической конкуренции и неконституционностью (неопределенностью реальных полномочий) власти.

Очевидно, что Дж. Талмон и Р. Арон предложили тезисы, которые могли бы вызвать сомнения в адекватности построения типологии режимов на основе дихотомического деления «демократия – тоталитаризм» (несмотря на название книги Арона). Однако принципиально важные положения обеих работ остались незамеченными на фоне выдвинувшейся на первый план концепции тоталитаризма, сформулированной в исследовании К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия».⁴ К. Фридрих и З. Бжезинский определили «классические» признаки тоталитарного режима: официальная идеология, монополия на власть одной массовой партии, партийный контроль над средствами массовой информации, система террористического полицейского контроля над обществом, монополия на все виды вооруженной борьбы (контроль над вооруженными силами), централизованный контроль над экономикой. Выделенные Фридрихом и Бжезинским признаки стали практически «общепринятыми», хотя их адекватность именно для определения политического режима вызывает существенные сомнения, поскольку, кроме пункта об однопартийной системе, они не содержат параметров, свидетельствующих о специфике формирования власти и механизмах принятия решений. Оценивая концепцию тоталитаризма, отечественные исследователи еще в советский период справедливо отмечали присущие ей слабости – «произвольное» определение признаков, упор на идеологию, что само по себе не определяет механизмы власти, смешение существенных и второстепенных признаков, нежела-

² Talmon J. L. The Origins of Totalitarian Democracy. L., 1952.

³ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 295.

⁴ Friedrich C., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, 1956.

ние выделить главные черты.⁵ С данной позицией в целом согласны и некоторые современные российские авторы.⁶

Годом позже исследования Фридриха и Бжезинского вышла работа Г. Лассуэлла и А. Каплана, в которой авторы предложили дихотомию «демократические режимы – деспотические режимы», основанную на ряде параметров, описывающих преимущественно механизмы формирования и реализации власти и образующих, в общем и целом, логичную систему сравнения.⁷ Однако отмеченное деление имело сугубо теоретический характер и получило значительно меньшую известность, нежели дихотомия «демократия – тоталитаризм». Ведущее место заняла концепция Фридриха и Бжезинского, что можно объяснить употреблением относительно нового термина для обозначения возникшего в XX в. феномена, более простым для восприятия перечислением признаков тоталитарных систем, однозначным соответствием схеме, противопоставляющей коммунистические режимы либерально-демократическим, не делая никаких принципиальных различий между фашизмом и коммунизмом.

Развернутую классификацию политических систем в 1956 г. предложил Г. Алмонд, положив в основу сравнения разработанный им политико-культурный подход.⁸ Исследователь разделил политические системы на четыре типа: англо-американскую (гомогенная культура), континентально-европейскую (наличие множества субкультур), до- или частично индустриальную (смешение традиционных и западных компонентов) и тоталитарную (приоритет классовых, национальных ценностей). Классификация Алмонда не выходила за рамки деления «демократия – тоталитаризм», однако исследователь предложил дифференцированный подход к демократическим странам и, кроме того, попытался учесть не вписывающийся в обозначенное деление опыт развивающихся стран. Типологию Алмонда критикуют за описательность и явное предпочтение англо-американской модели как наиболее стабильной и эффективной. Кроме

того, опыт «малых стран» Европы (Австрия, Бельгия и пр.) не был учтен, что явилось одним из факторов, стимулировавших позднее разработку А. Лейпхартом теории «общественной демократии».

Таким образом, в рассматриваемый период были сделаны принципиально важные шаги по построению классификаций политических режимов. Доминирующее значение приобрело деление «демократия – тоталитаризм», были сформулированы признаки тоталитаризма, эмпирически подтверждаемые (прежде всего, по отношению к эпохе 1930–1950-х гг.), однако слабо раскрывающие особенности формирования и функционирования властных структур. В некоторых работах были предложены положения, выходящие за рамки отмеченного деления, однако они оказались на периферии политологических исследований, что было в значительной мере обусловлено конкретно-исторически, связано со стремлением резко противопоставить западные страны и государства советского блока. Объединение последних в одну категорию с фашистскими при отрицании каких-либо демократических черт служило весомым аргументом в идеологическом и политическом противостоянии двух систем. Еще одной причиной выдвижения на первый план дихотомии «демократия – тоталитаризм» можно считать сложность выхода западных исследователей, разделяющих либеральные ценности, за рамки господствующего дискурса, принципиальную невозможность постановки ими вопроса о демократии, которая бы осуществлялась в нелиберальных формах. Наконец, реалии режима «личной власти» в СССР, действительно, давали обильную почву для формирования представлений о диктаторской системе, опирающейся на разросшийся репрессивный аппарат, в которой всякое действие направляется и контролируется из центра.

Между тем, ряд признаков советского режима явно свидетельствовал о процессе демократизации, хотя и принявшем иные формы, нежели в режимах западного типа. Речь идет, во-первых, о систематическом формировании политической элиты «из низов», на максимально широкой социальной базе, то есть о радикальном преодолении модели традиционного «правлящего класса». Советский режим предполагал регулярно действовавшие «социальные лифты», позволявшие в массовом масштабе подниматься к вершинам социальной и политической иерархий выход-

⁵ Фашизм и антидемократические режимы в Европе. М., 1981.

⁶ Тоталитаризм в Европе XX в. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996; и др.

⁷ Lasswell G., Kaplan A. Power and Society. A Framework for Political Inquiry. New Haven, 1957. P. 235.

⁸ Almond G. A. Comparative Political Systems // Journal of Politics. 1956. № 3.

цам из рабочих и крестьян.⁹ Во-вторых, следует отметить широкое, хотя и строго контролируемое властью, общественно-политическое участие в разных формах – через массовую партию и общественные организации, плебисцитарные (одобрение одной кандидатуры) выборы в Советы, органы «народного контроля», работу в качестве добровольных помощников в партийных и советских структурах, письма в органы власти, средства массовой информации и пр.¹⁰ В-третьих, взятый в целом, на протяжении всей истории страны, политический процесс в СССР не имел строго «директивного» характера. Исследователи не раз отмечали, что выработка окончательных решений, за исключением, возможно, периода «чисто сталинского» правления (конец 1930-х – начало 1950-х гг.), шла путем многочисленных согласований, учета мнения заинтересованных групп и «низов».¹¹ В процессе принятия решений, как и в общественной жизни в целом, широко применялись формально-демократические процедуры, оставлявшие участникам ограниченные возможности высказывать свою позицию. В-четвертых, в советской системе широко реализовывалась так называемая «социальная демократия», подразумевающая стремление к социальному равенству, формирование масштабного социального государства, проведение политики, целенаправленно учитывающей интересы больших непривилегированных групп населения.

Непризнание факта демократизации в режимах советского типа искажает классификационные построения, формирует тенденциозную картину советской системы. Этим, в значительной мере, обуславливается «прохладное» отношение к концепции тоталитаризма многих профессиональных историков. Наиболее адекватным, на наш взгляд, представляется употребление введенного Дж. Талмоном термина «тоталитарная демократия» для отражения специфического сочетания демократических и авторитарных компонентов власти. Однако использование данной категории наталкива-

ется на существенные сложности – прежде всего, заданность восприятия советского режима представлениями, отсекающими его от демократических норм. Тоталитарная составляющая советского типа систем хорошо известна (монистическая структура власти, всеохватывающий политический контроль, дефицит свободы личности и пр.), однако его демократические черты сегодня практически не признаются или не принимаются в расчет.

С 1960-х гг. развитие типологизации политических режимов находилось под влиянием нескольких объективных факторов. Во-первых, появилось множество политических режимов в странах «третьего мира», отличавшихся значительным своеобразием и не укладывавшихся в сложившуюся схему «демократия – тоталитаризм». Расширение исследований в разных странах стало ключевым фактором формирования представлений о многообразных видах авторитарного правления.

Во-вторых, в постсталинский период имела место очевидная либерализация советского режима. В этих условиях ряд западных авторов подвергли сомнению обоснованность упрощенной «тоталитарной» трактовки, предлагая теоретические вариации авторитарного правления – олигархия, или «диктатура нескольких», «консультативный авторитаризм», «институциональный плюрализм», корпоративизм и т. д. Исследователи констатировали наличие групп интересов и многообразных форм общественно-политического участия масс, развитие различных неполитических объединений (союзов, клубов, спортивных, творческих организаций и пр.). Принятие решений интерпретировалось как сложный процесс согласования интересов, стало очевидным большее, нежели считалось ранее, рассредоточение власти.¹²

Отмеченные параметры советской системы поставили перед разработчиками общих типологий политических режимов сложную проблему, так и не разрешенную полностью до сих пор. В ряде классификаций понятие тоталитаризма исчезает, советский режим характеризуется как авторитарный, мобилизационный, авторитарно-бюрократический и т. п. Разногласия в оценке режимов советского типа и пер-

⁹ Данные о социальном происхождении представителей советской политической элиты см.: Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7; Чернев А. Д. 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК коммунистической партии в лицах и цифрах. М., 1996; и др.

¹⁰ Березкина О. С. Политические элиты: что и как мы изучаем? М., 2003. С. 171–187.

¹¹ Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М. 1996. С. 281 и др.

¹² Skilling H. G., Griffiths F. Interest Groups and Communist Politics. Princeton, 1971; Political Leadership in the Soviet Union / Ed. by A. Brown. L., 1989; Elites and Political Power in the USSR / Ed. by D. Lane. Cambridge, 1988; Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 1997 и др.

спектив их объединения с фашистскими режимами усиливается.

В-третьих, на процесс разработки классификаций политических режимов оказали влияние как новые трактовки представительной демократии (в частности, «демократическое господство элит»), исходившие из стана ее защитников, так и критические концепции, предлагавшие свой взгляд на демократический процесс (требования расширения массового участия, введения «партиципаторной» демократии). Кроме того, не могла не оказывать влияния официальная советская трактовка нового типа «социалистической демократии», разрабатывавшаяся большим количеством ученых-обществоведов и поддерживаемая мощными пропагандистскими усилиями.

В результате в некоторых классификациях политических режимов для обозначения представительных демократий появились термины «состязательный режим», «полиархия» и т. п., что отражает стремление авторов определить сущность феномена, выйдя за рамки неоднозначной категории «демократия». Научные результаты в области типологизации режимов оказались весьма существенными как в части разработки параметров сравнения, так и в части построения типологий, учитывающих реальное разнообразие политических систем.

Известный американский исследователь Р. Даль разработал «идеально-типическую модель», предложив использовать два параметра сравнения режимов: а) политическая конкуренция (соответствующая бинарная оппозиция – конкуренция/гегемония), б) степень политического участия населения в системе публичного соперничества (соответствующая оппозиция – участие/неучастие). Исходя из этих параметров, стало возможным выделить четыре типа режимов: конкурирующая (соревновательная) олигархия, полиархия (западные системы), закрытая гегемония и включающая гегемония.¹³ Предложенная типология отражала стремление

исследователя дать максимально нейтральные категории, избегая понятий, которые могут быть истолкованы различным образом. Введение такого критерия, как участие масс, сопровождалось оговоркой Даля об участии в системе «публичного соперничества» за власть (иные формы исследователем не рассматривались). В результате коммунистические режимы характеризовались как «крайне гегемонистские» и по предложенным параметрам не отличались от традиционных, военных и т. д.

Одной из первых типологий, авторы которых стремились учесть реальное разнообразие государств «третьего мира», стала типология Э. Шилза. Шилз выделил пять типов режимов: демократия, «демократия под опекой», «модернизирующаяся олигархия», «традиционная олигархия», тоталитаризм. Дж. Коулмен практически синхронно с Шилзом выделил в развивающихся странах состязательный, полусостязательный и авторитарный режимы. Позднее в отношении стран африканского континента Р. Скляр предложил выделять три типа нарождающихся демократий: направляемая, социальная и «с активным участием».¹⁴ Таким образом, проявляются попытки не только заменить категорию демократии иными терминами, но и использовать для нее различные «прилагательные».

Особое внимание было привлечено к *работке концепции авторитаризма*. Например, типология режимов, предложенная Г. Алмондом и Дж. Пауэллом, предполагает широкую трактовку понятия авторитаризма как режима, «сдерживающего, направляющего и мобилизующего граждан под контролем государства», а также выделение множества подтипов авторитарных режимов, включая коммунистические режимы.¹⁵ Данная разработка отражает разнообразие систем с автократическими характеристиками власти, хотя построение новой дихотомии «демократия – авторитаризм» не решает проблему адекватной характеристики советской модели. Понятие тоталитаризма в классификации не фигурирует, параметрами сравнения выступают не только механизмы власти, но и пропагандируемые ею ценности, характер проводимой политики.

Иной подход выбрал Х. Линц, внесший значительный вклад в разработку схемы «тоталитаризм – авторитаризм – демократия» и в

¹³ Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М., 2010. С. 12. Термин «полиархия» был введен в научный оборот еще в 1950-е гг. Далем и Линдбломом, в классификации политических режимов Даля появился в 1971 г. Следует отметить, что «ранняя» трактовка полиархии Далем имела определенный критический заряд, полиархия трактовалась как «правление меньшинств», в противоположность «демократическому мифу» о правлении большинства. Впоследствии Даль делал акцент на таких институтах полиархии, как свободные выборы, автономия ассоциаций, всеобщие гражданские права и пр., первоначальная формулировка в его поздних работах практически не просматривается.

¹⁴ Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. С. 243–244.

¹⁵ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002. С. 275–277.

«обновление» концепции тоталитаризма. Линц предложил различать режимы по следующим параметрам: наличие или отсутствие политического плюрализма, политическое участие, идеологизация и конституционность власти.¹⁶ В рамках разработки концепции авторитаризма Линц выделил несколько типов авторитарных режимов, однако наибольшую известность получила новая концептуализация Х. Линцем тоталитарных систем. Исследователь предложил следующие признаки тоталитаризма: 1) отсутствие плюрализма (политический монизм), 2) наличие официальной идеологии, высокий уровень идеологизации, 3) неконституционность власти (неопределенность реальных полномочий) и 4) мобилизация масс для достижения коллективных целей, то есть массовое мобилизованное участие. Единственным полностью сохранившимся признаком, выделенным Фридрихом и Бжезинским, осталась официальная идеология. Такие характерные параметры советской системы, как массовое участие и стремление к достижению коллективной цели, оказались «абсорбированными» концепцией тоталитаризма, стали рассматриваться как его неотъемлемые черты. Идея «тоталитарной демократии» осталась, таким образом, выходящей за рамки предложенного дискурса, понятие демократии было сведено преимущественно к политическому и идеологическому плюрализму. В целом типология Линца включила режимы демократические, авторитарные, тоталитарные, посттоталитарные (СССР постсталинского периода) и султанистские (личное правление – режимы Бокасы и Мобуту в Африке, Дювалье в Гаити и др.).

В 1960–1970-е гг. получил развитие тезис о *партийной системе* как важном (или даже ведущем) параметре, определяющем разнообразие политических режимов. Так, Д. Сартори, Х. Линц и Д. Виатр признали различие между действительно однопартийными системами и системами с господствующей или руководящей партией¹⁷. В большинстве случаев однопартийность соответствует тоталитарным (авторитарным) режимам, а многопартийность – демократическим, однако обнаружились варианты (например, системы с доминирующей партией),

которые в эту схему не вписываются и интерпретируются сегодня различным образом – как демократические, режимы «авторитарной демократии» и пр.

С. Хантингтон, К. Мур и другие авторы показали, что однопартийные системы представляют значительное разнообразие авторитарных режимов.¹⁸ Проведенное ими сравнительно-политологическое изучение однопартийных систем позволило сделать вывод о принципиальном различии между «революционными» и «исключающими» однопартийными системами (в буквальном смысле исключающими из политической жизни целые сегменты населения по этническому признаку, что характерно для слаборазвитых стран). В иной классификации политологами (Г. Алмонд и др.) было предложено различать авторитарные партийные системы с «эксклюзивной» (предполагающей полный контроль), и «инклюзивной» (допускающей автономию интересов) партиями.¹⁹

Некоторые авторы обратились к разработке типологий демократических режимов. Так, А. Лейпхарт предложил классификацию, включающую описание и анализ политического процесса в конкретных демократических странах, относимых к тому или иному типу. Классификация А. Лейпхарта строится, исходя из двух признаков – структура общества и поведение политических элит, образующих две дихотомии: «гомогенная структура – многосоставная структура» и «сотрудничество – соперничество». Лейпхарт выделяет четыре типа демократических режимов: деполитизированная демократия, общественная демократия, центробежная демократия, центростремительная демократия.²⁰ Помимо параллели с классификацией Г. Алмонда 1950-х гг., можно констатировать сходный с Р. Далем способ построения типологии на основе двух противопоставлений, дающих «на пересечении» четыре типа режимов. Наиболее разработанной в концепции А. Лейпхарта является модель *сообщественной демократии* (или демократии социального согласия), для которой характерны осуществление власти большой коалицией лидеров всех значительных сегментов

¹⁶ Linz J. *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. Boulder, CO, 2000.

¹⁷ Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. С. 244. Наиболее известна работа: Sartori G. *Parties and Party System: A Framework for Analysis*. Cambridge University Press, 1976.

¹⁸ *Authoritarian Politics in Modern Society. The Dynamics of Established One-Party Systems* / Ed. by Samuel H. Huntington, Clement H. Moore. N. Y., 1970.

¹⁹ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. С. 174.

²⁰ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М., 1997. С. 143.

многосоставного общества, высокая степень автономии сегментов в управлении своими внутренними делами и ряд других признаков.²¹

Ж. Блондель предложил типологию, оттачиваясь от которой, отечественный политолог Г. В. Голосов детально разработал следующую классификацию: 1) либеральная демократия; 2) авторитарные режимы – традиционный, соревновательная олигархия, авторитарно-бюрократический (разновидности – военный и популистский), эгалитарно-авторитарный (коммунистический), авторитарно-инэгалитарный (фашистский, некоторые режимы в странах «третьего мира»);²² В качестве параметров (или измерений), использованных исследователем, выступили: 1) характер борьбы за лидерство (режимы подразделяются на открытые, допускающие легальную конкуренцию, и закрытые, где смена руководства происходит в форме наследования, кооптации или насилия); 2) характер элиты (монолитная или дифференцированная элита); 3) уровень участия масс в политике (включающие или исключаяющие режимы). К авторитарным относятся все режимы, признаки которых могут быть определены понятиями «закрытый» или «исключающий».

Все выделенные критерии сравнения имеют непосредственное отношение к механизму формирования и осуществления власти, вне зависимости от ее идеологических оснований. Вместе с тем, во-первых, классификация по данным критериям не учитывает характер взаимоотношений государства и личности, степень централизации и область влияния власти, на которых как раз сконцентрирована концепция тоталитаризма и сопутствующая ей дифференциация систем. Во-вторых, рассматривая механизм формирования власти, Г. В. Голосов выключает из него такой принципиально важный параметр, как социальная база, источник рекрутирования политической элиты, показывающий перспективы доступа представителей различных страт общества к политической власти. В-третьих, к исключаяющим (участие масс) режимам в равной мере отнесены традиционный режим, соревновательная олигархия, военный и популистский режимы (объединенные понятием «авторитарно-бюрократический»), что отнюдь не бесспорно. Популистские режимы можно расценивать как распространенную в развивающихся стра-

нах форму ограниченной реализации демократических принципов, как доступные проявления массового участия, отвечающие состоянию обществ, их традициям и культуре.

Несмотря на отмеченные дискуссионные моменты, схема Г. Голосова, выстраиваемая по одной линии «включающие» режимы либеральной демократии, эгалитарно-авторитарный и авторитарно-инэгалитарный, дает возможность четко увидеть, что эти три типа режимов, образующие в иных классификациях дихотомическое деление «демократия – тоталитаризм», имеют общий параметр: массовое участие как необходимый компонент сохранения и воспроизводства системы. Очевидно, что такие режимы стали возможны лишь в эпоху «восстания масс», о котором писал Х. Ортега-и-Гассет, и отразили различные варианты процесса демократизации: включение большинства населения в политику через механизмы всеобщего избирательного права, массовых партий, политического лидерства, организованных акций поддержки и протеста и т. п. К режимам, отражающим глобальный процесс демократизации, можно отнести и популистский. Разумеется, употребление понятия демократизации не означает причисления всех отмеченных режимов к категории демократий.

Значительный интерес представляет типология политических систем, которую можно составить на основе работ Д. Берг-Шлоссера, Х. Майера и Т. Штаменна. Политологи выделили традиционную систему (абсолютистские монархии), статическую олигархию (у власти традиционные элиты), модернизирующуюся олигархию (лидерство новой буржуазии), систему фашистского типа, преторианскую (система с личным или групповым лидерством под флагом «общего блага»), а также два типа, обозначенные понятием «демократия», – парламентарно-демократическая система и коммунистическая «воспитательная» демократия.²³ Наиболее примечательны в данном случае отсутствие дихотомического деления и положение о режиме коммунистической демократии, ставящем задачу воспитания масс. Среди наиболее известных классификаций упоминание о коммунистической демократии представляет единичный пример, утверждая принципиальную возможность подобной концептуализации советской системы, однако не давая, в отличие от категории «тоталитарная демократия», интерпретации сочетания демо-

²¹ Там же. С. 60.

²² Голосов Г. В. Сравнительная политология. Новосибирск, 1995. С. 47–67.

²³ См.: Политология / Под ред. М. А. Василюка. М., 1999. С. 215.

кратических и автократических черт, которое характеризовало этот режим.

Одна из относительно недавних разработок в рамках западной политической науки – типология систем Ч. Эндрейна, где отсутствуют (в определении базовых типов) оба понятия, образующие дихотомию «демократия–тоталитаризм», а системы, обычно обозначаемые этими понятиями, фигурируют как «согласительные» и «мобилизационные». В качестве критериев классификации систем выступают «ценностные иерархии» в обществе, воздействие на политический процесс политических институтов и социальных групп, поведение лидеров и масс. Исходя из них, Ч. Эндрейн выделяет: а) народные племенные системы, б) бюрократические авторитарные системы, в) согласительные системы (в качестве подтипов выступают соревновательная олигархия и плюралистическая демократия) и г) мобилизационные системы (подтипы – популистская и элитистская системы).²⁴ Типология охватывает не только системы современных государств, но и разнообразные режимы, существовавшие в прошлом.

Классификация Ч. Эндрейна включает ряд новаций. Так, народная племенная система рассматривается исследователем как полноценный тип политической системы, существующий в догосударственных обществах (пигмеи Африки, аборигены Австралии и пр.) Понятие тоталитаризма отвергается и заменяется определением «мобилизационные системы».²⁵ Категория бюрократического авторитаризма охватывает существовавшие в разное время империи (от Древнего Египта до Российской империи), политические режимы в «третьем мире», определяемые в иных классификациях как преторианские, а также модифицированные мобилизационные системы (СССР постсталинского периода).

Концептуализация бюрократического авторитаризма была предложена Г. О’Доннеллом, употреблявшим это понятие для описания и анализа политических систем в Латинской Америке 1960–1970-х гг. Ч. Эндрейн расширил его за счет многообразных авторитарных систем прошлого и настоящего. Нельзя не отметить, что при таком толковании военные диктатуры и советская система постсталинского периода оказываются объединенными в одну категорию, что решает, несмотря на все новации, ту же задачу, что и

дихотомия «демократия – тоталитаризм», придавая этому решению иную форму. Кроме того, ограничение мобилизационных систем кратким историческим периодом и трактовка последующего развития в рамках парадигмы бюрократического авторитаризма затемняют тот факт, что последовательная смена этих систем представляет собой вариации стадийного протекания одного процесса, сохранявшие ряд общих базовых черт. Наконец, характеристика советской системы до 1953 г. как элитистской не вполне корректна, поскольку в этот период социальная мобильность была высока и, хотя решения действительно принимала элита, возможности доступа в эту группу были широко открыты для представителей непривилегированных слоев.

В качестве основного признака согласительных систем выступает принцип согласования интересов, опирающийся на соблюдение «правил игры» в политике, толерантность, корректность, договорное право и т. д., иначе говоря – идеал либерализма. Массовое активное участие в политической жизни интерпретируется Эндрейном как ведущий признак мобилизационных систем, и именно массовое отчуждение трактуется как основная причина угасания их жизнеспособности. Концепция Эндрейна базируется на критике тоталитарной теории как эмпирически неадекватной, упрощающей реальную структуру обществ.

В целом существенной тенденцией отмеченных разработок можно считать попытки так или иначе выйти за рамки деления режимов, связанного с «классической» концепцией тоталитаризма, введение многообразных понятий, позволяющих интерпретировать политические системы. Ряд авторов отказались от использования понятия тоталитаризма, выстраивая новую дихотомию «демократия – авторитаризм» либо пытаясь вовсе избежать дихотомического деления; в ряде классификаций коммунистические и фашистские режимы отнесены к разным типам. Х. Линцу удалось «реанимировать» тоталитарную концепцию, изменив набор признаков тоталитаризма и введя в качестве одного из параметров политическое участие (мобилизацию). В некоторых классификациях обозначилась тенденция интерпретации участия как признака скорее тоталитарных (мобилизационных), нежели либерально-демократических систем, что ведет к девальвации параметра участия в наборе ключевых признаков, характеризующих либерально-демократические режимы. Нельзя не от-

²⁴ Эндрейн Ч. Сравнительный анализ политических систем. М., 2000.

²⁵ О мобилизационных системах ранее упоминал Д. Аптер (Apter D. The Politics of Modernization. Chicago, 1966).

метить, что в этом случае понятие демократии становится менее адекватным в научном плане, превращаясь в большей мере в политико-идеологическую категорию. Осознавая неоднозначность самого понятия, отдельные исследователи стали заменять его иными терминами.

Общей чертой практически всех имеющих типологий режимов является исключение из числа учитываемых параметров источника формирования властных структур (политической элиты), в то время как именно этот параметр позволяет судить о реальных возможностях доступа представителей различных социальных групп к реализации власти, степени и характере преодоления традиционной модели «правлящего класса». Кроме того, формально-демократические процедуры трактуются политологами как «полноценные» только в случае открытого конкурентного отбора, хотя и при наличии одной кандидатуры в списке, строго говоря, перед избирателем стоит выбор – одобрить эту кандидатуру или нет. Большинство исследователей не относят к проявлениям демократии иные, помимо конкурентных выборов, формы и каналы политического участия масс. Наконец, слабо учитывается зависимость характера политического процесса от общей и политической культуры, истории и традиций разных обществ.

В то же время стремление авторов учесть многообразные проявления процесса демократизации обусловило введение понятий, в которых существенно «демократия» стало сопровождаться прилагательными «социальная», «направляемая», «делегативная», «нелиберальная» и др. (данный факт свидетельствует о том, что не все исследователи согласны с резким «сужением» дискурса демократии, ограничением обсуждения этого вопроса только опытом западных стран). В концепции «делегативной демократии» Г. О’Доннелла обосновывается правомерность употребления термина «демократия» к латиноамериканским и посткоммунистическим странам, начавшим «демократический транзит» и не отвечающим в полной мере либеральным параметрам Запада. «Делегативная демократия, – пишет О’Доннелл, – основывается на предпосылке, что победа на президентских выборах дает победителю право управлять страной по своему усмотрению... Президент рассматривается как воплощение нации, главный хранитель и знаток ее интересов».²⁶ Осо-

²⁶ О’Доннелл Г. Делегативная демократия // Пределы власти. 1994. № 2–3. С. 57.

бое значение в формировании делегативной демократии политолог отводит культуре, традициям, истории латиноамериканских стран и посткоммунистических государств, указывая, что плебисцитарные тенденции являются их характерной чертой. Концепция О’Доннелла идет в русле тенденции «разделения» двухчастного понятия «либеральная демократия», осознания некоторыми политологами нетождественности его составных частей.

Дальнейшее движение в этом направлении продемонстрировала работа Ф. Закарии «Возникновение нелиберальных демократий».²⁷ Исследователь утверждает, что критический настрой в отношении новых режимов посткоммунистических и развивающихся стран связан, прежде всего, с недостатком компонентов либерализма, а не демократии. Более того, этот недостаток либерализма (несформированность правового государства, нарушения прав человека) связан именно с преждевременным принятием демократического механизма общенародных выборов. Один из основных выводов автора состоит в том, что конституционный либерализм в принципе важнее демократии и западные страны должны стремиться преимущественно к либерализму, продвигать права человека, а не «процедурализм с его болтовней о выборах».²⁸ Данные тезисы свидетельствуют, что политическая мысль, завершив «полный цикл», возвращается к исходным положениям, сформулированным основоположниками либерализма, весьма осторожно относившимися к активизации масс. Фактически утверждается первичность либеральных принципов в функционировании современных западных демократических систем.

Важно отметить, что Закария употребляет термин «тоталитарная демократия», ссылаясь на упоминавшуюся работу Дж. Талмона. «Некоторые специалисты, – пишет он, – справедливо называли якобинский режим “тоталитарной демократией”. Вот первый пример нелиберальной демократии в современной истории».²⁹ Характеризуя режим «тоталитарной демократии», исследователь указывает, что во Франции государство оказалось выше общества, демократия – выше конституционализма, а равенство – выше

²⁷ Закария Ф. Возникновение нелиберальных демократий // Логос. 2004. № 2.

²⁸ Его же. Нелиберальная демократия пять лет спустя: судьба демократии в двадцать первом веке // Там же. С. 78.

²⁹ Его же. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004. С. 59.

свободы; аресты и казни тысяч людей осуществлялись от имени народа. По существу, все эти параметры могут быть отнесены к коммунистическому режиму сталинской эпохи.

Современная дискуссия о соотношении понятий развивается преимущественно в плане утверждения ценности либеральных идей, обсуждения вопросов их реализации. Так, М. Платтнер, вступая в спор с Ф. Закарией, обосновывает неизбежность «демократизации» либерализма, заложенной в принципе равенства прав граждан, следствием которого, по его мнению, и является всеобщее избирательное право.³⁰ Автором совершенно игнорируется тот факт, что расширение избирательного права стало результатом не столько либеральных идей, сколько длительной политической борьбы, формирования массовых партий, подъема социалистического движения – факторов, без которых демократический потенциал либерализма вряд ли мог реализоваться.

Наиболее спорным остается вопрос о характере режимов советского типа. Бескомпромиссная позиция присуща авторам, выводящим на первый план либеральные принципы в контексте реанимации концепции тоталитаризма. Например, Ф. Бенетон утверждает: сущность современной политики выражается главным образом в двух режимах – либеральная демократия или тоталитарный режим. Либеральная демократия есть единственно возможная версия современной демократии, утверждение которой произошло в первую очередь благодаря ценностям либерализма. Автор открыто провозглашает ценностный подход, утверждая: «классификация режимов достигает своей высшей точки в различении хороших и дурных режимов».³¹ Как видим, классификация режимов в этом случае соотносится с позицией, обозначенной еще Аристотелем, имея в виду деление на «правильные» и «отклоняющиеся» режимы.

Для современных отечественных авторов характерны использование схемы «тоталитаризм – авторитаризм – демократия» и дальнейшая классификация режимов каждого из указанных типов.³² Некоторые исследователи до-

пускают существование политических систем, которые можно было бы назвать демократиями нелиберального толка. Так, А. Воскресенский на основе анализа общих закономерностей политического процесса на Востоке выделяет незападные и нелиберальные демократии.³³ В. Никитаев употребляет понятие «тоталитарная демократия», выделяя некоторые ее признаки, но не указывая прямо на конкретные примеры таких режимов.³⁴ В. Пугачев отмечает возможность существования «тоталитарной демократии» в общетеоретическом плане.³⁵

Таким образом, позиции современных исследователей политических режимов колеблются от открыто оценочного подхода на основе дихотомии «демократия – тоталитаризм» до попыток пересмотра этой схемы в тех или иных вариациях. На настоящий момент преимущественно исследуются разновидности авторитарных и демократических режимов, отражая стремление политологов учесть разнообразие современных политических форм. Историографическая ситуация отражает «триумфальное шествие» демократии в ходе третьей волны демократизации, когда целый ряд авторитарных систем стран «третьего мира» и систем советского типа перешли к либерально-демократической модели развития. В этих условиях либеральная демократия стала восприниматься большинством авторов как единственная перспективная политическая модель.

Тем не менее, концептуализация политического процесса в посткоммунистических и развивающихся странах привела к введению понятий «нелиберальной», «авторитарной», «незападной» и т. п. демократий. Некоторые авторы пытаются использовать термин «тоталитарная демократия», однако ряд факторов не дает возможности выйти за рамки сформировавшегося дискурса. Прежде всего, существует очевидное табу на употребление понятия демократии в отношении бывшего советского режима, лишь недавно ушедшего в прошлое и вызывающего острые дискуссии, непосредственно связанные с текущими политическими событиями. Кроме того, введение понятия «тоталитарная демократия» не сопровождается конкретными при-

³⁰ Платтнер М. От либерализма к либеральной демократии // Апология. 2005. № 1. С. 41.

³¹ Бенетон Ф. Введение в политическую науку. М., 2002. С. 166.

³² Громыко А. Л. Политические режимы: сущность, исторические формы и реальная практика. М., 2003; Цыганков А. П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995; и др.

³³ Воскресенский А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М., 2007. С. 165–168.

³⁴ Никитаев В. Повестка дня для России: власть, политика, демократия // Логос. 2004. № 2. С. 111.

³⁵ Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. М., 2003. С. 205, 216–219.

мерами, вследствие чего остается неясность в классификации «двух типов тоталитаризма», нивелируются принципиальные различия коммунистических и фашистских режимов. В этой связи необходимы более четкие характеристики режима «тоталитарной демократии», помимо общих положений о монолитности власти и участии масс.³⁶ Изменение сложившихся представлений связано как с более глубоким анализом параметров формирования и осуществления власти в системах советского типа, так и с обсуждением категории демократии как универсальной характеристики, отражающей направление и сущность модернизации политических систем в индустриальных обществах.

Сопоставление либерально-демократической модели и «тоталитарной демократии» создает основу для формирования более точных представлений о политических феноменах XX в., нежели те, которые базируются на рассматривавшихся выше конфигурациях, позволяет оценить основные направления, по которым пошел процесс политической модернизации. Очевидная на настоящий момент активизация внимания к либерализму как идейному источнику современного понимания прав и свобод призвана подтвердить его значение, затемняемое порой процедурными компонентами демократии. С другой стороны, признание демократических характеристик советской системы дает возможность интерпретировать альтернативный вариант модернизации, концентрировавший внимание на проблемах социального равенства, доступа к власти и управлению представителей

³⁶ Автором предложены такие параметры, в частности, в работе: Березкина О. С. Политический режим в СССР: основные характеристики // От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности. Материалы международной научной конференции. Москва. МГУ имени М. В. Ломоносова, 28–29 сентября 2012 г. СПб., 2013.

Библиография:

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002.
2. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
3. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
4. Бенетон Ф. Введение в политическую науку. М., 2002.
5. Березкина О. С. Политические элиты: что и как мы изучаем? М., 2003.
6. Березкина О. С. Политический режим в СССР: основные характеристики // От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности. Материалы международной научной конференции. Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, 28–29 сентября 2012 г. СПб., 2013.
7. Верг Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 1997.
8. Воскресенский А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М., 2007.
9. Голосов Г. В. Сравнительная политология. Новосибирск, 1995.
10. Громыко А. Л. Политические режимы: сущность, исторические формы и реальная практика. М., 2003.
11. Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М., 2010.
12. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М., 1994.

непривилегированных групп населения, максимального расширения участия на «низовом» уровне.

Введение понятия «тоталитарная демократия» для обозначения систем советского типа не решает полностью проблему выхода за рамки деления «тоталитаризм – авторитаризм – демократия», однако представляется возможной дальнейшая разработка типологий, отражающих противоречивые сочетания компонентов формирования и осуществления власти. Наибольшую сложность составляет интерпретация многочисленных режимов в странах «третьего мира», где процесс демократизации создает трудно поддающиеся однозначному определению гибридные формы. Вряд ли все эти формы могут быть полностью учтены, исследователям неизбежно придется ограничиваться несколькими наиболее четко выраженными типами, либо использовать «зонтичные» определения («бюрократические авторитарные системы»), скрывающие реальное разнообразие режимов. Например, сведенная к «чистым типам» классификация, учитывающая наработки Г. Голосова, приобретает следующий вид: традиционный режим, соревновательная олигархия, либеральная демократия, тоталитарная демократия, фашистский, популистский, военный режимы. Однако целый ряд систем развивающихся стран остаются неучтенными, вследствие чего возникает проблема введения новых определений («незападная демократия» и т. п.) Во всяком случае, сравнение меняющихся интерпретаций, осознание ограничений, которые накладывает дискурс, должны способствовать переосмыслению некоторых утвердившихся концептов и выработке более адекватных представлений, отражающих направления исторического развития и многообразия политических форм.

13. Закария Ф. Возникновение нелиберальных демократий // Логос. 2004. № 2.
14. Закария Ф. Нелиберальная демократия пять лет спустя: судьба демократии в двадцать первом веке // Логос. 2004. № 2.
15. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004.
16. Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7.
17. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М., 1997.
18. Никитаев В. Повестка дня для России: власть, политика, демократия // Логос. 2004. № 2.
19. О'Доннелл Г. Делегативная демократия // Пределы власти. 1994. № 2–3.
20. Платтнер М. От либерализма к либеральной демократии // Апология. 2005. № 1.
21. Политология / Под ред. М. А. Василика. М., 1999.
22. Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. М., 2003.
23. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.
24. Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М., 1996.
25. Тоталитаризм в Европе XX в. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996.
26. Фашизм и антидемократические режимы в Европе. М., 1981.
27. Цыганков А. П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995.
28. Чернев А. Д. 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК коммунистической партии в лицах и цифрах. М., 1996.
29. Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 1992.
30. Эндрейн Ч. Сравнительный анализ политических систем. М., 2000.
31. Almond G. A. Comparative Political Systems // Journal of Politics. 1956. № 3.
32. Apter D. The Politics of Modernization. Chicago, 1966.
33. Authoritarian Politics in Modern Society. The Dynamics of Established One-Party Systems / Ed. by Samuel H. Huntington and Clement H. Moore. N. Y., 1970.
34. Borkenau F. The Totalitarian Enemy. L., 1939.
35. Elites and Political Power in the USSR / Ed. by D. Lane. Cambridge, 1988.
36. Friedrich C., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, 1956.
37. Lasswell G., Kaplan A. Power and Society. A Framework for Political Inquiry. New Haven, 1957.
38. Linz J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. Boulder, CO, 2000.
39. Neumann S. Permanent Revolution. Totalitarianism in the Age of International Civil War. N.Y., 1965.
40. Political Leadership in the Soviet Union / Ed. by A. Brown. L., 1989.
41. Sartory G. Parties and Party System: A Framework for Analysis. Cambridge University Press, 1976.
42. Skilling H. G., Griffiths F. Interest Groups and Communist Politics. Princeton, 1971.
43. Talmon J. L. The Origins of Totalitarian Democracy. L., 1952.

References (transliterated):

1. Almond G., Pauell Dzh., Strom K., Dalton R. Sravnitel'naya politologiya segodnya. Mirovoi obzor. M., 2002.
2. Arendt Kh. Istoki totalitarizma. M., 1996.
3. Aron R. Demokratiya i totalitarizm. M., 1993.
4. Beneton F. Vvedenie v politicheskuyu nauku. M., 2002.
5. Berezkina O. S. Politicheskie elity: chto i kak my izuchaem? M., 2003.
6. Berezkina O. S. Politicheskii rezhim v SSSR: osnovnye kharakteristiki // Ot Drevnei Rusi k Rossiiskoi Federatsii: istoriya rossiiskoi gosudarstvennosti. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, MGU imeni M. V. Lomonosova, 28-29 sentyabrya 2012 g. SPb., 2013.
7. Vert N. Istoriya Sovetskogo gosudarstva. 1900–1991. M., 1997.
8. Voskresenskii A. D. Politicheskie sistemy i modeli demokratii na Vostoke. M., 2007.
9. Golosov G. V. Sravnitel'naya politologiya. Novosibirsk, 1995.
10. Gromyko A. L. Politicheskie rezhimy: sushchnost', istoricheskie formy i real'naya praktika. M., 2003.
11. Dal' R. Poliarkhiya: uchastie i oppozitsiya. M., 2010.
12. Dogan M., Pelassi D. Sravnitel'naya politicheskaya sotsiologiya. M., 1994.
13. Zakariya F. Vozniknovenie neliberal'nykh demokratii // Logos. 2004. № 2.
14. Zakariya F. Neliberal'naya demokratiya pyat' let spustya: sud'ba demokratii v dvadtsat' pervom veke // Logos. 2004. № 2.
15. Zakariya F. Budushchee svobody: neliberal'naya demokratiya v SShA i za ikh predelami. M., 2004.
16. Korzhikhina T. P., Figtner Yu. Yu. Sovetskaya nomenklatura: stanovlenie, mekhanizmy deistviya // Voprosy istorii. 1993. № 7.
17. Leipkhart A. Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh. Sravnitel'noe issledovanie. M., 1997.
18. Nikitaev V. Povestka dnya dlya Rossii: vlast', politika, demokratiya // Logos. 2004. № 2.
19. O'Donnell G. Deleгатivnaya demokratiya // Predely vlasti. 1994. № 2–3.
20. Plattner M. Ot liberalizma k liberal'noi demokratii // Apologiya. 2005. № 1.
21. Politologiya / Pod red. M. A. Vasilika. M., 1999.
22. Pugachev V. P., Solov'ev A. I. Vvedenie v politologiyu. M., 2003.

23. Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. M., 1992.
24. Radaev V. V., Shkaratan O. I. Sotsial'naya stratifikatsiya. M., 1996.
25. Totalitarizm v Evrope KhKh v. Iz istorii ideologii, dvizhenii, rezhimov i ikh preodoleniya. M., 1996.
26. Fashizm i antidemokraticheskie rezhimy v Evrope. M., 1981.
27. Tsygankov A. P. Sovremennye politicheskie rezhimy: struktura, tipologiya, dinamika. M., 1995.
28. Chernev A. D. 229 kremlevskikh vozhdai. Politbyuro, Orgbyuro, Sekretariat TsK kommunisticheskoi partii v litsakh i tsifrakh. M., 1996.
29. Khaiek F. Doroga k rabstvu. M., 1992.
30. Endrein Ch. Sravnitel'nyi analiz politicheskikh sistem. M., 2000.
31. Almond G. A. Comparative Political Systems // Journal of Politics. 1956. № 3.
32. Apter D. The Politics of Modernization. Chicago, 1966.
33. Authoritarian Politics in Modern Society. The Dynamics of Established One-Party Systems / Ed. by Samuel H. Huntington and Clement H. Moore. N. Y., 1970.
34. Borkenau F. The Totalitarian Enemy. L., 1939.
35. Elites and Political Power in the USSR / Ed. by D. Lane. Cambridge, 1988.
36. Friedrich C., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, 1956.
37. Lasswell G., Kaplan A. Power and Society. A Framework for Political Inquiry. New Haven, 1957.
38. Linz J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. Boulder, CO, 2000.
39. Neumann S. Permanent Revolution. Totalitarianism in the Age of International Civil War. N.Y., 1965.
40. Political Leadership in the Soviet Union / Ed. by A. Brown. L., 1989.
41. Sartory G. Parties and Party System: A Framework for Analysis. Cambridge University Press, 1976.
42. Skilling H. G., Griffiths F. Interest Groups and Communist Politics. Princeton, 1971.
43. Talmon J. L. The Origins of Totalitarian Democracy. L., 1952.